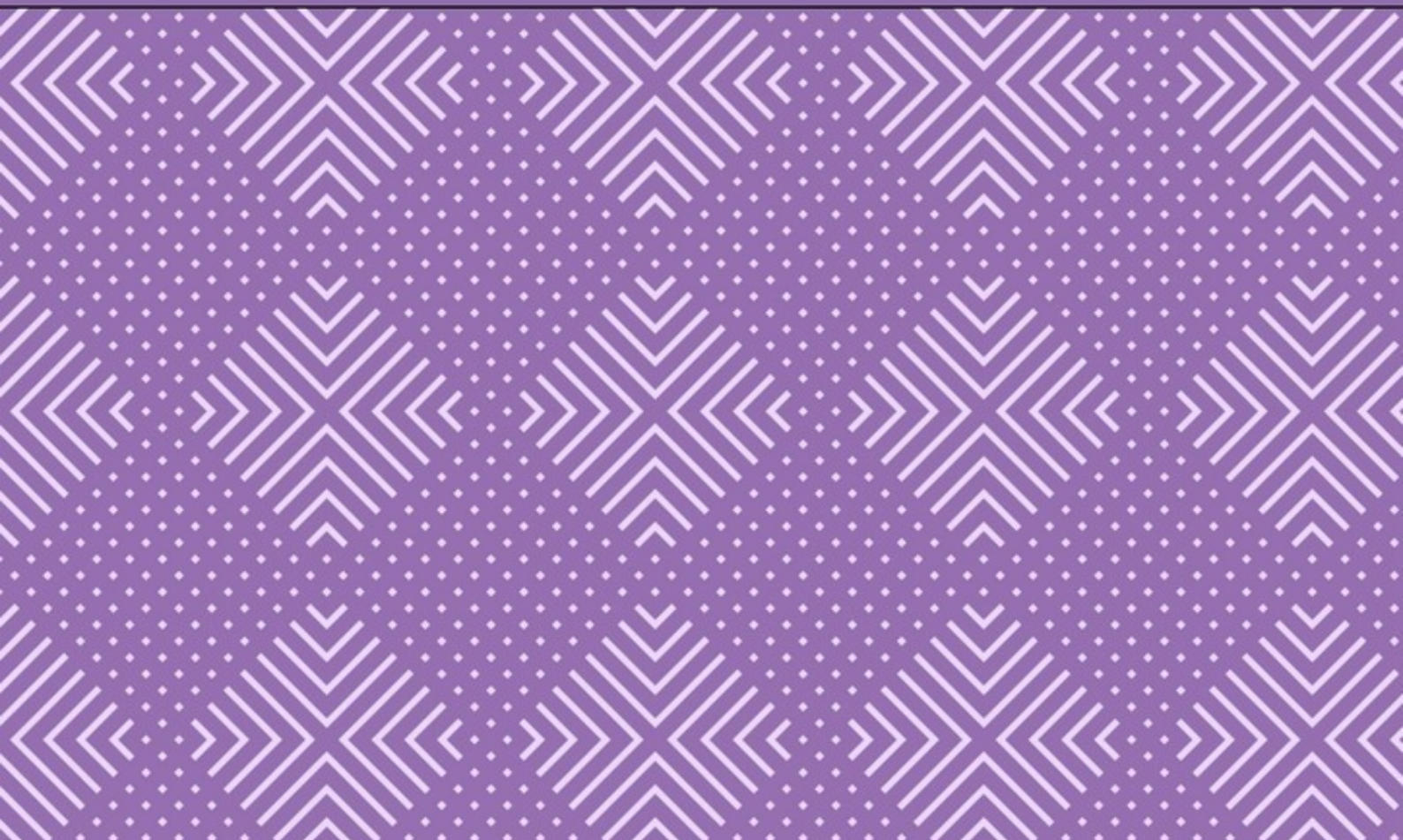


Алексей Янкин

Наследник славы

Часть 2. Невольничий берег вселенной



Алексей Янкин

**Наследник славы. Часть 2.
Невольничий берег вселенной**

«Издательские решения»

Янкин А. Е.

Наследник славы. Часть 2. Невольничий берег вселенной /
А. Е. Янкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834724-5

Бежавший из одной тюрьмы Шуке попадает в другую, быть может более страшную. Удастся ли ему спастись и найти дорогу домой?

ISBN 978-5-44-834724-5

© Янкин А. Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Хозяева Вселенной	6
Глава 2. Ученик повара	10
Глава 3. Новый хозяин	14
Глава 4. Возобновляемые запасы	19
Глава 5. Тцоп-виши	23
Глава 6. Праздник Пробуждения	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Наследник славы
Часть 2. Невольничий берег вселенной
Алексей Евгеньевич Янкин

© Алексей Евгеньевич Янкин, 2016

ISBN 978-5-4483-4724-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Хозяева Вселенной

– Вставай, отребье двуногое! – Роман подскочил от сильного тычка в бок. Рядом с его низкими пластиковыми нарами возвышается, опираясь на три крепких щупальца, фигура с лошадиной головой и двумя огромными выпуклыми глазами—блюдцами по ее бокам. Глаза фасеточные, вроде пчелиных. Совершенно невозможно разобрать, куда существо смотрит в данный момент. У него практически нет шеи и голова, кажется, не имеет возможности ни наклоняться, ни поворачиваться – она словно продолжение тела, зажатого спереди и сзади двумя большими кожистыми выпуклыми пластинами-панцирями. На покато лбу инопланетянина замечен еще один сравнительно небольшой черный круглый глаз. В одной из длинных (заметно длиннее ног) верхних конечностей-щупалец зажата метровая палка с раздвоенным шипом на конце. В двух других – небольшой плоский диск и короткий цилиндр из того же, похожего на сиреневый пластик, материала.

– Вставай! Вставай! – повторило страшилище, угрожающе направляя палку в бок пленника. Роман быстро вскочил, не дожидаясь следующего тычка, тем более что тот сопровождался довольно чувствительным разрядом тока. Тотчас к его груди над солнечным сплетением был прижат тот самый плоский диск, моментально намертво прилипший к ней. От него по всему телу заструилась легкая вибрация.

Чудище подождало, пока Роман накинёт на себя одежду, брошенную комом прямо на пол, и сообщило:

– Обращаться ко мне Господин Арт, Помощник Младшего Хозяина. Понял?! – и, не услышав ответа, слегка дрогнуло щупальцем с зажатым в нем коротким цилиндриком. Романа резко дернуло за ребра вперед так, что он чуть не упал на четвереньки. На полминуты он задохнулся от боли в грудной клетке.

– Понял, понял. – поторопился он с ответом.

– Что? – взревело в голове у землянина, – Ты что бормочешь? Думать. Думать надо! – и существо приложило кончиком свободного верхнего щупальца к голове пленника. Голову в месте прикосновения обожгло холодом, – Думай! Отвечай. Думай.

Роман понял, что он не слышит голос существа извне. Тот рождается в самой глубине его собственной головы. Он усиленно стал думать:

– Понял, понял, понял, понял...

– Понял, Господин Арт, Помощник Младшего Хозяина. – терпеливо, уже мягче поправил инопланетянин, слегка приподняв для наглядности раздвоенный кончик дубинки.

– Понял, Господин Арт. – покорно повторил Роман.

– Господин Арт, Помощник Младшего Хозяина. – еще один рывок за грудь. Ребра хрустнули.

– Понял, Господин Арт, Помощник Младшего Хозяина. – Роман хватая ртом воздух.

Пучеглазый Арт удовлетворенно закурлыкал, развернулся, неуклюже качнувшись и пошел впереди. Диск на груди пленника настойчиво потянул за собой. Инопланетянин ловко переставляет три своих ноги. Роман еле поспевал за ним, стараясь не споткнуться. Он уверен, что если упадет, то диск просто разорвет грудную клетку надвое.

Долго шли по какому то узенькому полутемному петляющему, то сужающемуся, то расширяющемуся коридору, время от времени сворачивая в примыкающие к нему ходы. За все время пути на встречу не попало ни единой живой души. Зато двери совершенно круглой формы, несколько приподнятые над уровнем пола, встречались во множестве. Существо, шедшее впереди, казалось, совершенно не интересуется судьбой пленника. Оно уверено, что урок пошел двуногому впрок и тот никуда от него не денется. Да и нападения с его стороны оно явно

не опасалось. Несколько придя в себя, Роман попытался поднять левую руку. Та не слушалась, безвольно болтаясь плетью. Правую – тот же результат.

Наконец остановились у одной из круглых дверей, ничем не отличавшихся в ряду других совершенно таких же. Стражник ткнул шупальцем в самый центр круга и тот, тускло вспыхнув, исчез. Существо не пошло дальше, а отойдя в сторону, мысленно скомандовало:

– Иди!

Внутри помещения сумрак. Роман, стараясь лишний раз не злить стража (ребра еще болят), переступает бывший ему почти по колено порог. Дверь за спиной со щелчком возникает вновь. Несмотря на то, что в помещении темно, видимость вполне сносная. Мрак разгоняет темно-багровый свет, неспешно льющийся из тусклых квадратных светильников, рассеянных по окружности стены. Комната большая. Скорее ее следует назвать залом. Высокий куполообразный потолок теряется во мгле. На полу какие-то концентрические узоры. Ближе к противоположной стене расположилось десятка четыре таких же, как его страж чудищ. Недвижимы словно статуи, сидят на высоких стульях без спинок, свесив три своих ноги по сторонам треугольных сидений. В голове звучит приказ:

– Садись.

Кто дал команду – непонятно. Лошадиные рыла бесстрастны. Выпуклые многогранные глазища-блюдца неподвижны. Роман оглядывается в поисках места – куда бы присесть и неожиданно замечает справа от себя длинную лавку с несколькими вмятинами вдоль. В двух из этих вмятин уже сидят Профессор и Зэнь-Ди. Они, кажется, даже не заметили прихода Романа. «Запуганы» – мелькает мысль. Роман опускается рядом с Зэнь-Ди. Та не шелохнулась. Мрачная тишина. Роман пытается оглядеть помещение, но понимает, что уже не может двинуть ни рукой, ни ногой, ни пошевелить головой. Лишь зрачки глаз способны ворочаться из стороны в сторону. Теперь понятно причина странной неподвижности друзей.

В совершенной тишине проходит минут десять. Шелест где-то позади слева. Скосив глаза, видит лохматую согбенную фигуру Шуке. Поприветствовать или хотя бы улыбнуться другу Роман не в состоянии. Шуке совершенно сломлен. Большие темные глаза печальны. Он испуганно озирает товарищей в тщетной надежде на поддержку и, не дождавшись ответных взглядов, получив только им слышимую команду, покорно садится по другую сторону от Профессора. Садится мимо вмятины. Сообразив, сползает нижней частью тела в неё.

– Сейчас состоится собрание Братства, на котором будет решена ваша участь. – опять непонятно кто говорит, – Есть вопросы?

– Да. – вырвалось у Профессора, – Кто вы? И что вам надо от нас?

– Не бормочи. Думай.

Роман с трудом улавливает «голос» Михалыча:

– Кто вы? Что вы хотите от нас? Почему напали на наш корабль?

Роману кажется, что воздух слегка завибрировал от неслышимого смеха страшилищ.

– Мы матороканцы, честные торговцы и крепкие специалисты? – кто такие «крепкие специалисты» он не понял. Может его мозг неправильно перевел какой-то термин? Из опыта общения с зартенаррским кораблем Роман знал, что в его голове звучат не те слова, которые произносятся (думаются) передающим мысль, а тот их перевод, который делает мозг принимающего. Очевидно одна и та же фраза может звучать в головах разных «слушателей» по-разному. В зависимости от их словарного запаса и интеллектуальной широты восприятия.

– Но если вы торговцы, зачем напали на нас? – раздраженно повторил Профессор.

Матороканцы закурлыкали, переговариваясь между собой. Затем кто-то из них отвечает:

– На вас напали не мы. Наши хозяева.

– Ваши хозяева? Разве не вы хозяева корабля?

– Нет.

– А кто они? И что вашим хозяевам от нас надо?

Некоторое время царило полное молчание, потом в головах пленников раздался голос. Роман мог поклясться, что голос выдавал некоторое смущение думающего:

– Наши хозяева – великие айоллы. Они не только наши, но теперь и ваши хозяева. Они хозяева Вселенной. Все что ни есть во Вселенной принадлежит им. Они были вашими хозяевами даже тогда, когда вы еще ничего не знали о них. Они велики и им покорны все. Поэтому они по праву могут взять всё, что посчитают нужным. Захотели ваш корабль, взяли его. Захотели вас, взяли вас. Захотят ваши жизни, возьмут их. Захотят вашу планету, возьмут и её.

– Так они просто пираты, – покачал головой Профессор, – Очень удобная позиция. Что захотели, то и взяли.

– Кто такие «пираты»? – очевидно перевод этого слова в головах матороканцев не произошёл.

Савелий Михайлович как мог, попытался объяснить. Матороканцы долго курлыкали, наконец ответили:

– Пусть так. Но они Хозяева. Они вольны делать всё, что захотят. – и, не желая больше тратить время на пустые разговоры с пленниками, голос в голове отрезал, – Теперь мы, от их имени, будем решать, что делать с вами, двуногие, пока вы находитесь на борту нашего корабля. Никто не должен зря есть пищу корабля, и никто не должен сидеть без дела.

Неожиданно без всякой видимой причины поднялась Зэнь-Ди. Она стояла молча. Голова безвольно склонена на бок. Роман не «слышал» о чем инопланетяне разговаривают с ней и разговаривают ли вообще. Ни девушка, ни матороканцы ни шевельнули ни одним мускулом на лице. Да и у матороканцев, очевидно, мимика отсутствует напрочь. Их «лица» какие то твердые на вид, словно закрыты приросшими к лицу масками. Наконец Зоя села так же молча, как стояла. Вслед за ней встаёт Профессор. Всё повторилось. Когда Профессор сел, Роман услышал голос, обращенный несомненно к нему:

– Встань! Каков твой возраст по вашему летоисчислению? Стар ты или молод?

– Скорее молод, чем стар. Среднего возраста. Не очень стар.

– Молод или не очень?

– Молод. – поколебавшись, ответил Роман.

– Хорошо. Ты относишься к образованному классу своей планеты?

– Да.

– Что ты умеешь делать?

Роман пытается объяснить, чем он занимался и что умеет. Неподвижные фигуры молчат. Наконец голос произносит:

– Не то. Всё не то. Эти навыки бесполезны. Чтобы взять за тебя хорошую цену на торгах ты должен представлять для покупателя хоть какую-то ценность. Тебя необходимо обучить ремеслу. – после чего чудища принялись совещаться, курлыкая и пофыркивая, потряхивая кончиками длинных морд.

– Вы что, нас продать собираетесь? – не удержался Роман.

– Садись.

– Но...

– Садись.

Роман почувствовал, как диск на груди тянет вниз. Вместо него встаёт Шуке. Матороканцы сразу оживились. Они даже, как показалось Роману, несколько раз переглянулись между собой. Хотя по их глазищам определить это трудно. Шуке стоял навтыжку, бесстрастно смотря в пространство перед собой. Один из пиратов, очевидно старший, вскочил и забежал туда-сюда перед сидевшими собратями, смешно перебирая тремя коротенькими ножками-щупальцами и время от времени вздымая вверх все три руки. Наверное между пиратами разгорелся нешуточный спор. Курлыканье инопланетян напоминало курлыканье разгневанных индюков. Роману даже казалось, что сейчас они замотают своими лошадиными мордами

из стороны в сторону совсем как индюки. Несмотря на всю стрессовую обстановку в голову Романа пришла мысль – матороканцы между собой не общаются (или не всегда общаются) мысленно, а часто просто говорят на каком то своем языке. Как впоследствии оказалось, это действительно так. Наконец бегавший возбужденно матороканец успокоился и сел на своё место. Шуке, повинаясь неслышимому никем кроме него приказу, встал и, не глядя ни на кого, перебирая заплетающимися ногами словно робот, вышел в откатившуюся перед ним нишу двери.

Следующим, спустя минуту, вышел Профессор.

У Романа зазвучало в голове:

– Ты станешь обучаться у корабельного повара третьего сектора. Иди.

Куда идти? Что такое – третий сектор? Должность повара или место? За круглой дверью ждал стражник. Тот ли это самый, что привел его или другой, Роман не мог определить. Зэнь-Ди осталась в комнате одна.

Глава 2. Ученик повара

Всё-таки «третий сектор», это место. Роман попал на обучение (скорее на дрессировку) к существу, отдаленно напоминающему матороканцев, но бывшему почти в половину короче. Оно так же ходило на трех ногах-щупальцах, но еще более коротких и толстых. При этом сама походка, порядок перестановки «ног», совершенно иной. Имело три толстеньких руки-щупальца с тремя на удивление ловкими длинными пальцами-отростками на каждой, без заметных когтей или ногтей. Голова, более круглая, сидевшая даже на некоем подобии толстой шеи, украшена тремя равновеликими выпуклыми черными глазами и ртом-клювом между двумя из них. Эту сторону головы можно считать лицом, ибо и ходило существо именно в этом направлении, однако кроме клюва эта сторона головы больше ничем не выделялась. Каких либо ушных раковин или ноздрей не заметно. Смотрело существо своими небольшими по сравнению с матороканскими глазами сразу во все стороны, временами концентрируя два из них на том, что его особо заинтересовало. Глаза не фасеточные, как у матороканцев, а с одним большим подвижным зрачком. Как впоследствии узнал Роман, орган слуха располагался во рту существа, поэтому, когда оно слушало собеседника, всегда держало свой короткий, массивный, с хищно загнутым вниз кончиком клюв слегка приоткрытым, смешно склоняя голову чуть набок.

Звали существо – Ладдер. Поначалу Роман даже подумал, что это матороканец-урод, мутант. Но нет. Вскоре узнал, что его новый хозяин вовсе не матороканец, а представитель совершенно иной расы – расы *гиодов*. Они, в отличие от матороканцев, не ходили голыми, а кутались в разноцветные простыни. Очень любили пестрые расцветки и соревновались между собой кто оденется более аляповато. Несмотря на некую внешнюю схожесть с матороканцами они даже не родственны им. Гиоды довольно многочисленны. На корабле их несколько сот, может быть тысяча, не больше, в отличие от матороканцев, которых, как впоследствии узнал Роман, всего около сотни-другой. Держатся гиоды независимо, даже гордо, и сами матороканцы обращаются с ними более терпимо, чем с прочими. Но ровней себе не считали. Когда землянин немного освоил язык общения на корабле, он понял, что гиоды не рабы, а свободные слуги, по своей воле нанявшиеся в услужение и получающие определенную плату, выполняя более квалифицированную работу по обслуживанию нужд матороканцев и, возможно, айоллов.

Кстати о языке. Роман поначалу считал, что ментальное общение общепринято среди инопланетян и является обыденным, но оказалось, что это далеко не так: лишь матороканцы и айоллы общались между собой мысленно, да гиоды немного владели этим искусством. Причем если для айоллов это единственный способ общения, то для матороканцев лишь один из двух. Они имеют фонетическую речь, свой язык, на котором говорили между собой, желая скрыть свои мысли от представителей иных рас. Остальные же понимали их мысленные команды только тогда, когда матороканцы обращались непосредственно к ним.

Гиоды же мысленно передавали не конкретные слова, а эмоции, настроение, общие понятия, что часто вызывало путаницу у «слушателя». Поэтому предпочитали голосовое общение. Слегка приоткрыв мощный клюв, гиод издавал высокую продолжительную вибрирующую, местами дребезжащую трель. Точнее серию слипшихся звуков, которые и являлись их речью.

Остальные расы мысленно общаться между собой не могли совершенно и имели каждая свой оригинальный язык. Но чтобы понимать друг друга, вся эта разномастная публика говорила на некоем «межгалактическом» языке «хэге», очень элементарном и конкретном. Ни приставок, ни суффиксов, ни окончаний. На существование падежей нет даже намека. Одни элементарные корни. Простейший, всегда одинаковый порядок слов в предложении. Прошрое или будущее время определяется своеобразным придыханием соответственно на первой или

последней букве слова. Мужского и женского рода не различалось. При желании указывалось о самке или самце идет речь. Множественное число обозначалось указанием конкретного числа, ставившимся перед словом, к которому оно относилось, или двойным повторением слова в случае абстрактного множества.

Вот с обучения этому языку и началась новая жизнь Романа. Язык настолько прост, что уже через несколько дней Роман мог сносно объясняться со своим хозяином. Первым делом он усвоил, что является рабом и только рабом и должен незамедлительно выполнять любой приказ, отданный ему любым гиодом или, особенно, матороканцем, если он не противоречит ранее отданному приказу. В таком случае раб должен уведомить о полученном ранее поручении. Приказ матороканца безусловно сильнее приказа гиода и приостанавливает выполнение данного гиодом поручения до полного исполнения поручения матороканца. Разумеется, приказ айолла важнее приказов и матороканца и гиода, но мало кто из рабов видел этих айоллов и уж тем более получал от них приказ. Те никогда не общаются с рабами и даже с гиодами, но исключительно с матороканцами.

Трехрукий Ладдер оказался вполне покладистым хозяином. Первым делом он начал обучать Романа языку. Говорил ему что-то, но пленник ничего не понимал. Повар азартно мотал головой, выкрикивая одно слово по несколько раз и тыкая по сторонам тремя пальцами – Роман думал, что тот сердится, но оказалось, что он попросту так хохочет. Прислушался. Ладдер указывал на свою голову, на голову землянина и повторял слово. Роман понял, что от него требуется и тоже повторил его. С десятой попытки получилось похоже. Повар указывал на ноги, руки, тело. Ходил, приседал, бегал, брал, клал обратно, каждый раз называя слово или два. Вскоре Роман запомнил элементарные понятия. Выучил, что на кухне-камбузе как называется. Язык совершенно не похож на язык Зар-Тенарра, который он изучал, казалось, столетия назад.

Условные сутки на корабле разделены на вахты. И если сутки матороканцев или гиодов делятся на три части, одна из которых посвящена работе, другая сну, а третья – личному времени, то сутки рабов состоят из непродолжительного времени для сна и длинной вахты, целиком посвященной напряженной работе. Роман называл отрезок от одного своего пробуждения до другого «днями», чтобы хоть как-то определиться во времени и не сойти с ума.

Первые «дни» новый раб не мог поднять головы, настолько хозяин загружал его работой. О судьбе своих товарищей он даже не успевал подумать. Но через «месяц» стал втягиваться в новый для себя ритм жизни, одновременно усваивая язык общения на корабле. Вскоре он даже смог общаться со своими вновь обретенными сотоварищами по несчастью, рабами, работавшими как и он при камбузе.

Оказалось, что всего на пиратском судне имелись представители нескольких рас. Кроме таинственных айоллов, грозных матороканцев, их слуг – гиодов, были еще представители рас, состоявших из пленников, захваченных в разное время в самых разных концах Вселенной. Одни – сравнительно недавно, другие – поколения назад. Все они находились на положении рабов – бесправной собственности Хозяев и даже слуги-гиоды являлись для них законными господами.

Четырехногие маа представлялись пародией на кентавров. Четыре коротеньких ножки с коленками, смотрящими в разные стороны как у пауков и парой длинных, почти до земли, рук, свисавших с тела между первой и второй парой ног. Чтобы руки не касались земли, маа обычно складывали их, сцепив пальцами, на спине у основания шеи. Вертикально стоящая длинная стройная, как у земной ламы, шея венчается небольшой красивой головкой с четырьмя глазами и парой остроконечных подвижных ушей. Все прочие, вслед за Хозяевами, чаще зовут их «четыреглазыми». Они, пожалуй, наиболее многочисленны. Их тысячи. Самый высокий маа едва достигал макушкой плеча землянина. В рабстве у матороканцев уже не одно поколение и давно смирились со своим положением. Они жизнерадостны, не обидчивы, охотно

идут на контакт, с удовольствием делятся всем, что знают. Бесхитростны и открыты. Родившись рабами от родителей рабов, рабов дедов и рабов прадедов, другого положения, кроме рабского, не знают, отчего переносят его легко и без ропота. Во всяком случае, так кажется со стороны.

Дабл-дредноиды напротив, довольно мрачны и необщительны, возможно из-за этого с ними никто не общается и большинство их недолюбливают. А может это происходит из-за того, что даблы-дредноиды питаются исключительно кровью живых существ, для чего у них на кончике морды имеется присоска с четырьмя мелкими зубчиками. Даблы присасываются к своей жертве присоской, безболезненно вскрывают кровеносный сосуд и, напившись крови, обеззараживают место укуса своей слюной. Роман, когда узнал об этой особенности высоких двуногих и двуруких даблов, был в ужасе. Но оказалось что не все так страшно: они, во-первых, питались кровью только своих братьев. Во-вторых – это происходило добровольно. И в третьих – это не приносило никакого очевидного вреда укушенным. Кроме того, как выяснилось, они питались и соком специально выращиваемых для них растений. Всё же вид одного дабла, присосавшегося к шее другого, вызывало у Романа дрожь и омерзение. Но этот их образ жизни не приносил, судя по всему, никому никакого вреда. Во всяком случае, никто не припомнит случая, чтобы дабл-дредноид попытался укусить кого либо из представителей иной расы. Тем не менее, это не освобождало их от ходивших вокруг мрачных сплетен и самых диких подозрений. Даблы стоят на социальной лестнице пиратского корабля даже ниже своих братьев – рабов маа. Рождение дабла на корабле явление крайне редкое, почти исключительное. Потому Братство пополняло их ряды в основном в результате набегов на несколько населенных ими планет. Большинство даблов-дредноидов рождалось свободными. Даблы в свое время расселились по нескольким звездным системам, но с тех пор по какой-то причине деградировали практически везде. На корабле их заметно меньше маа, но больше гиодов.

Негласно население корабля делилось на «симметричных» и «не симметричных». К первым относились маа и даблы-дредноиды, ко вторым матороканцы и гиоды. К кому относились айоллы Роман так и не понял.

Существовали еще некие тцоп-виши, которых редко кто из кухонных рабов видел. Они походили на землян. «Только покрыты шерстью» – смеялся Ладдер, когда Роман пытался выпросить его об этих таинственных особях.

– Они кто? Тоже хозяева?

– Кто? Тцоп-виши? – глаза Ладдера даже запрыгали от смеха в глазницах, – Они грязное отребье. Даже не рабы, а так, нежить, – кок сплюнул на палубу задымившейся слюной.

Тем не менее Роман так и не понял, кто такие эти тцоп-виши. Живут в хороших условиях в отдельных, закрытых для прочих помещениях корабля. Ничем особо не занимаются. Живут в полное свое удовольствие – спят всласть, едят вволю, занимаются спортивными состязаниями. Ладдер не раз бывал на их территории. Но, тем не менее, по его словам это самые распоследние существа. Им запрещено общаться с другими обитателями корабля. Да они и не стремятся к этому и вряд ли способны на это. Их роль на корабле землянину так и осталась непонятной. Может это заложники, предназначенные для выкупа или обмена? Или товар исключительно на продажу, услугами которого Хозяева по какой-то причине не пользуются сами? Не пойдешь же спрашивать о них у матороканцев.

Если матороканцам или гиодам доводилось упоминать о тцоп-вишах, они всегда презрительно морщили нос (образно), словно речь шла не о разумных существах, а о скоте.

– Ты очень, очень на них похож. – смеялся старший повар, тыкая Романа твердыми кончиками щупальцев в живот.

Сами гиоды с планеты, вращающейся вокруг единственного угасающего светила, где они живут в глубоких теплых пещерах. Этим их образ жизни напоминал образ жизни сквиргов.

Но если скwirги прячутся в ущельях Зар-Тенарра от жгучего жара своих солнц, то гиоды напротив, прячутся от холода, ища в недрах планеты тепла.

Роман вспомнил, какое на матороканцев впечатление произвело, когда они узнали, что Шуке скwirг с Зар-Тенарра. Словоохотливый Ладдер по секрету рассказал, что эти легендарные кровожадные скwirги некогда захватили планету, принадлежавшую матороканцам. Большинство её жителей попросту перебили. Жалкие остатки туземцев еле успели скрыться на нескольких кораблях. Матороканцы за время своих вынужденных скитаний пристрастились к бродяжничеству и грабежам, пока не попали под власть своих нынешних хозяев – айоллов – Властителей Вселенной, став под их руководством некоей помесью купцов и разбойников, не брезговавших при случае пиратством и работорговлей. Они стали не лучше самих скwirгов, но винили в этом не себя, а их. Доля правды в этом была. Да и, говоря по совести, они не заходили в своих грабежах так далеко, как зартенаррцы, уничтожая жизнь на целых планетах. Гораздо выгоднее время от времени грабить их, чем превращать в безжизненные пустыни.

Роман, Савелий Михайлович и, номинально, Зэнь-Ди представляли на корабле расу землян. Где теперь находятся товарищи землянина, Ладдер не знал и, похоже, не лгал своему рабу. Вообще повар относился к землянину весьма терпимо. Не забывал, конечно, что тот всего лишь раб, но и лишний раз не тыкал этим, за что Роман оставался весьма ему благодарным.

Через какое-то время (примерно условных полгода, согласно производимым землянином расчетам) Роман был привлечен к готовке наиболее простых блюд для рабов и проявил себя способным, схватывающим всё на лету поваренком. Еще через какое-то время Ладдер доверил двуногому помогать при готовке уже для матороканцев и гиодов. А со временем даже самостоятельно готовить отдельные блюда, а несколько раз и оставлял за себя старшим по кухне, когда удалялся попировать с друзьями и поиграть в какую-то азартную игру.

Кроме Ладдера, бывшего хорошим, добрым, но все же хозяином, Роман сдружился с несколькими такими же как он кухонными рабами. Особенно они сошлись с одним четырехногим четырехглазым маа по имени Кабо. Точнее имя у того гораздо-гораздо длиннее и сложнее, но оно оказалось не по зубам Роману и его новый друг согласился на очень сокращенное «Кабо». Кабо, строго говоря, был не кухонным рабом – он исполнял роль стюарда, растаскивая готовую пищу тем хозяевам, кто не желал по какой-то причине сам идти в столовую.

Кухонным рабам жилось легче, чем большинству их сотоварищам на корабле. Работы хоть и много, но она не столь грязная и изнуряющая, как у других. Особенно тяжело, по разговорам, приходилось рабам, обслуживающим топливные реакторы корабля. Смертность среди них ужасная. Говорят гиоды – руководители отрядов рабочих на реакторах, даже не запоминают имен вновь прибывших рабов, так как все равно те вскоре передохнут. Не легче приходилось и рабам в аграрных блоках. Рабы механики, рабы уборщики, рабы обслуга, рабы санитары, каких только рабов нет на корабле. Роман искренне считал, что ему повезло и только мысль о сгинувших где-то в недрах огромного транспорта друзьях не давали покоя. Увы! Похоже, что его путешествие на этом закончено. Приходилось лишь смириться со своей судьбой. Что он мог предпринять? Бежать? С кем? На чём? Он даже не знал, где на корабле находятся какие-либо шлюпки. Есть ли эти шлюпки. Где вообще края этого безразмерного корабля-мира. Да и куда бежать? Здесь он хоть накормлен. Увы! Такие размышления всегда заканчивались одним – приступом депрессии.

Глава 3. Новый хозяин

К Ладдеру изредка заходил его соплеменник по имени Ту-Гиддо. Он так же повар, но из какой-то другой кухни и, судя по нескрываемому подбострастью со стороны Ладдера, имел более высокий статус. Ладдер играл с ним в азартную игру, несколько напоминавшую кости, но с большим числом кубиков, несравненно более сложными правилами и расчетами набранных очков. Каждая грань кубика была помечена не точками, а определенным цветом. Вот сочетание этих цветов, выпавших при броске, и имело значение. Роман по зову хозяина не раз приносил игрокам приготовленные им лично закуски и бодрящие напитки, чем неоднократно удостоивался похвалы гостя. Как-то захмелевший Ладдер, чтобы сгладить впечатление от пришедшего к нему только что крупного выигрыша, горячо подхватил эти похвалы, особо напоирая на редкое умение землянина готовить.

Когда Роман явился следующим утром на кухню, хозяин был уже там. Он сильно не в духе. Оказалось, что накануне после ухода Романа ему совершенно перестало везти и он проиграл весь свой вчерашний выигрыш. Затем проиграл всё, что у него было при себе. Чтобы отыграться, поставил на кон своего любимого раба, разделив его на несколько ставок. И проиграл их все.

– Сейчас же собирайся, не дожидаясь окончания этой вахты, и отправляйся на кухню к Ту-Гиддо.

– А кто он, этот Ту-Гиддо? – осторожно поинтересовался Роман, посчитав, что сейчас уже не страшно и испортить отношения с бывшим хозяином. Его всё равно проиграли как вещь.

– Ту-Гиддо? О-о! Этот выскочка высоко взлетел. Он готовит исключительно для матоканцев и айоллов.

– Но и Вы готовите для матоканцев.

– Да. Частенько. Но он, ежедневно. И самым главным. К тому же он готовит особые блюда. А чем питаются айоллы, так я вообще не хочу забивать себе голову. Так что у тебя появился шанс выбиться в люди. – Ладдер выпучил на Романа два глаза с этой стороны своей головы и усмехнулся, – Только вряд ли ты обрадуешься этому шансу.

– Почему? – удивился Роман. Он посчитал, что в хозяине говорит оскорбленное чувство собственника.

– Иди! – прикрикнул Ладдер, махнув сразу двумя щупальцами, держа в третьем длинную поварешку, – Иди! К началу следующей вахты ты должен быть там. Я обещал.

Роман налегке, имея при себе лишь электронный пропуск с моргавшей на его тусклом экранчике красной стрелкой направления движения, пробирался через многочисленные пустые или заполненные народом коридоры. Выскакивал на какие-то площади, перебирался с палубы на палубу, бросая взгляд на красную стрелку. Где-то попадались одни хозяева и Роман, скромно опустив глаза под строгими взглядами, старался быстрее прошмыгнуть мимо. Видя в его руках пропуск, его не задерживали. Где-то были одни рабы самых разных рас. Везде во множестве попадались деловитые гиоды. Будучи и не рабами и не хозяевами, они непринужденно вели себя и с теми и с другими, не заискивая перед первыми и не слишком заносясь перед вторыми.

Наконец землянин добрался до нужного места. Кухня Ту-Гиддо оказалась значительно меньше той, которой командовал его собутыльник Ладдер. При этом она чище и оборудована такими большими печами, которых Роман даже не видел на своем прежнем месте.

Ту-Гиддо, брезгливо оглядев снизу-вверх своё последнее приобретение, велел одному их слуг отвести землянина в предназначенную для него каюту. Это действительно оказалась персональная каюта, рассчитанная на одного человека! Роман в ней совершенно один! Раньше в общем кубрике у него не было даже своего индивидуального места для сна – все спали на тех нарах, которые оказывались в данный момент свободными. Не было и речи о наличии своего уголка или места для хранения личных вещей (за полным их отсутствием). Здесь же – шкаф с висящими в нем сменными рабочими и одним праздничным нарядами. Они пришлись как раз впору землянину. Было очевидно, что его ждали. Каютка правда небольшая, не больше купе в поезде, но в ней можно остаться одному и спокойно поразмыслить. Роману так не хватало этого одиночества. Этой тишины в ушах. Он вытянулся на мягкой кровати и, закрыв глаза, невольно задремал.

Подскочив, Роман проснулся. Боже! Как он мог заснуть! В первый день! Его сейчас накажут. Быстро надев свежий наряд, он отправился на кухню. Ту-Гиддо находился там и, казалось, терпеливо ждал его. Он не сказал ни единого слова осуждения или нетерпения. Только бросил взгляд одного из глаз на вошедшего:

– Раб, подойди сюда.

Роман торопливо подскочил к хозяину.

– Поверь, я не так глуп и не так жесток, как тебе может показаться. Я понимаю твоё волнение и дал тебе отдохнуть. Но учти наперед, что я люблю порядок и пунктуальность. Ты должен быть на кухне раньше меня и уходить с нее позже меня. Ты понял?

– Понял, хозяин.

– Ну вот и хорошо. А теперь покажи свое умение, – голова хозяина склонилась в сторону большого стола, заставленного какими-то продуктами, – Ко мне сегодня придет Распорядитель Обедов. Ты должен понравиться ему, чтобы тебя допустили до готовки.

– Понял, хозяин.

Ту-Гиддо отвернулся и удалился, смешно подпрыгивая на своих трех ножках, к выходу из кухни. Роман покопался среди продуктов. Тут были как знакомые уже ему овощи и фрукты, отдельные ингредиенты, так и куски какой-то полузамороженной субстанции, чем-то напоминающей мясо. Очевидно это оно и есть. Роман уже видел такое на старой кухне. Правда то казалось менее плотным и более жилистым – от какого-то животного, разводимого на корабле и напоминающего здоровенную толстую гусеницу. Это же больше похоже на земную телятину. Роман задумался – как его приготовить, чтобы «показать» себя, как хочет его новый хозяин? А не запечь ли его вон в той сравнительно небольшой печи вот с этими плодами. Еще порежу того «лука» (очень похоже). Натру этой смесью. Точно такая была и на кухне Ладдера. А затем, уже готовое блюдо сбрызну кисловато-сладким соком красного пупырчатого фрукта и посыплю мелко нашинкованными листьями, имеющими слабый, но заманчивой, как раз к мясу, горьковатый аромат.

Ту-Гиддо появился в ту же секунду, как Роман закончил оформлять блюдо.

– Готово. – не спросил, констатировал он, – Разложи на четыре блюда и неси за мной.

Новый хозяин развернулся и вышел в ту же дверь, через которую вошел. Раб быстро сервировал четыре блюда. На противне оставалось еще достаточно мяса с печеными плодами. Роман аккуратно накрыл противень крышкой, чтобы аромат не уходил вместе с теплом. Затем погрузил все на трехколесную тележку и двинулся к двери.

В небольшой полутемной, как предпочитают господа, комнатке-столовой за шестигранным столом сидят четыре фигуры: его нынешний хозяин, еще один гиод (Роман почему то подумал, что он очень стар) и два матороканца. Куда смотрят матороканцы по их огромным пчелиным глазам определить трудно, учитывая, что и их головы не обладают способностью шевелиться в связи с полным отсутствием чего либо, что можно назвать шеей. Старый гиод, казалось, едва сдерживал любопытство, но не хотел терять лица перед матороканцами. Тем не менее зрачки повернутых в сторону вошедшего двух глаз подрагивали.

Поставивший перед каждым из присутствующих по тарелке раб был милостиво отпущен указующим наклоном макушки своего хозяина. Он долго сидел на каком-то ящике в кухне, гадая, что может ждать его по результатам этого экзамена. Понятно, что Ту-Гиддо возлагал на него какие-то особые надежды. Или ему просто так кажется? Может просто элитный повар решил испытать свое новое приобретение, доставшееся задарма – не прогадал ли он, забрав выигрыш, для чего пригласил нескольких своих приятелей.

Вытащив из складок одежды часы, Роман посмотрел на стрелки – прошло почти три земных часа! И чего там есть? Может они разошлись давно? Ушли через другую дверь? Там вроде действительно была еще одна дверь. Подожду еще с полчаса и пойду, проверю – решил землянин. Он уже клевал носом, когда его пихнули в плечо. Перед ним стоял новый хозяин. Роман расстроился – ну вот, опять. За один день проштрафился дважды. Но Ту-Гиддо вроде как даже не сердит. Он выглядит довольным, насколько землянин научился разбираться в выражениях лиц гиодов. Слегка приоткрытый широкий рот-клюв и блестящие черным глаза в разбежку явно свидетельствуют о хорошем настроении. Когда гиоды сердятся, их клювы плотно защелкнуты, а глаза уставлены в одну точку – на виновного. Если же они в ярости, клюв напротив, хищно раздвинут и виден подрагивающий раздвоенный кончик змеиного языка. И шипят ещё. А теперь нет – доволен. Роман ждёт. Новый хозяин не сказав ни слова, похлопал своим тяжелым щупальцем раба по плечу и подтолкнул его в сторону выхода.

– Иди. Отдыхай. Заслужил. Завтра с утра на первую вахту не опаздывай. Твои рабочие вахты – первая и вторая. Третью можешь отдыхать. Помни, ты должен быть здесь с утра, еще до моего прихода. – и, в спину уходящему рабу, – Тебе очень повезло. Будешь и дальше так готовить, считай, что твоя жизнь окажется лёгкой и беспечной.

Но жизнь его нельзя было назвать ни лёгкой, ни беспечной, как предсказывал хозяин Ту-Гиддо. За малейшую провинность, а то и без всякой видимой причины его лишали единственной свободной вахты и землянин работал круглые сутки, засыпая лишь урывками на полчаса в кресле в закутке за печью, пока рабы-уборщики проводили обязательную санобработку кухни дважды в течении каждой рабочей смены. Характер у нового хозяина очень тяжелый, не в пример старому. Ладдер был веселым и отходчивым. А этот нет. Чуть что не по нраву – не пожалеет. Заставит заниматься самой грязной работой, помогать тем же уборщикам. Разгружать тележки со склада. А затем изволь – будь готов стряпать.

Главное блюдо, которое постоянно заказывали Роману – тушеное мясо с овощами. Он действительно достиг в его приготовлении совершенства. Были и другие заказы, но туше-

ное мясо чаще всего. Все господа очень любили мясо. На кухне кроме Романа работали еще несколько поваров. В основном рабы из маа. Был один дабл-дредноид, но он смешивал напитки. Несколько поваров-гиодов специализировались каждый на каком-то особом блюде и появлялись на кухне редко. Они постоянно ворчали и раздавали рабам-поварам указания. Их раздражала тупость рабов и то, что они сами вынуждены работать рядом с этим отребьем. «Отребье» – их любимое словечко. Большинство из гиодов иначе никак к рабам и не обращалось. Роман про себя решил, что это из-за того, что социальный статус самих гиодов был где-то посередине между господами и рабами и их это подсознательно задевало.

Статус самого Романа оказался несколько неопределенным. С одной стороны он условно раб и таковым воспринимался всеми окружающими. С другой – он представитель совершенно иной, незнакомой расы, статус которой так же еще не определен Хозяевами Вселенной и матороканцами. Поэтому и отношение к землянину помягче. Но это не спасало его от тяжелой работы, которой нагружали его помимо прямых обязанностей повара.

Как правило, когда Роман приходил на свою вахту минут за двадцать до хозяина, на его столе уже размещался набор необходимых продуктов. Фрукты и корнеплоды помыты и освобождены от корешков и ботвы. Мясо, почти оттаявшее после заморозки, очищено от кожи и лишних жил, нарезано крупными кусками. Ему оставалось подойти к экрану, найти свою страничку и прочитать то, что он должен приготовить сегодня. Часто во время готовки экран вспыхивал, призывно побулькивая, уведомляя о поступившем новом заказе. Нередко Романа вызывали даже в его свободную смену. Разумеется потраченное личное время никто ему компенсировать не собирался. Ведь он всего лишь раб.

Вот и сегодня, не успел землянин как следует выспаться, в никогда не отключаемом динамике связи забубнил голос невидимого диктора, призывающего его незамедлительно явиться на кухню. Ничего необычного. Так заканчивалась каждая третья его свободная смена. Землянин, накинув одежду, покорно отправился туда, откуда не больше пары часов назад вернулся. Кухня почти пуста. Лишь один дабл-дредноид, специализировавшийся на опьяняющих напитках для матороканцев, выжимал в дальнем углу в серебристый сосуд сок сразу из нескольких плодов, собираясь затем подморозить его. Когда вошел Роман, тот удостоил его беглым взглядом и вернулся к своему занятию. Не будет же он разговаривать с этим рабом. Больше в кухне никого нет. Лишь над рабочим столом Романа призывно помаргивает свет.

Ученик повара подошел, пнул большую квадратную кнопку и свет перестал мигать, залив рабочую поверхность ровным приятным светом. На информационном экране поступивший заказ. Как всегда – тушеное с плодами мясо. Ого! Аж десять больших порций. Роман критически оглядел стол. Мяса явно маловато. Что делать? Вызывать рабов, отвечающих за подготовку продуктов? Он даже не знает, где те сейчас находятся. Возможно в других кухонных блоках, а может вообще на отдыхе в общем кубрике рабов этого сектора. Сколько времени пройдет?

Он знает, где размещаются холодильные камеры. Никогда правда там не бывал, но ничего страшного не случится, если он сегодня сам пойдет туда и отрежет нужный ему кусок мяса. Роман взял большой вибронож и отправился к выходу, ответив на удивленный взгляд работающего в углу дабл-дредноида:

– За мясом я. За мясом. Мяса кончилось. – и вышел. Во взгляде верзилы промелькнула неуверенность. Роман уже не видел, как после его ухода дабл-дредноид подбежал к переговорному устройству и стал кого-то лихорадочно вызывать.

Морозильные камеры, представлявшие собой большие комнаты-холодильники, находились в том же коридоре, что и кухня, в которой работал Роман. Вот она, мясная секция, в самом конце. Открыв первую герметичную дверь, он вошел в небольшое помещение теплового затвора. Закрыв плотно за собой дверь. Выбрал одну из нескольких, стоявших здесь же трехколесных тележек для мяса, кинул туда вибронож и вручную открыл дверь в самую морозильную камеру. Роман здесь никогда еще не бывал. Да и повода не было – раньше мясо всегда находилось у него на столе. Открывая дверь в морозилку, Роман вспомнил брошенный на него рабом-буфетчиком обеспокоенный взгляд. Может поварам не положено самим ходить на склад за продуктами? Или это касается только его? Но у него есть задание, которое следует выполнить. Землянин с усилием откатил массивную дверь. Лицо обдало могильным холодом и облачком вырвавшегося морозного пара. В морозилке заморгал, а затем включился тусклый желтоватый свет. Роман шагнул внутрь.

Комната-морозилка уходила вдаль на десяток-другой метров. Слева и справа от центрального прохода, вдоль стен в три ряда тянуться широкие открытые полки – нижняя на уровне колен Романа, средняя на уровне груди и верхняя уже над его головой. На всех полках лежали, вытянувшись в струнку, руки вдоль тела, голые замороженные трупы людей.

Глава 4. Возобновляемые запасы

Сколько времени так простоял Роман, он и сам не понимал. Словно провалился в черную яму беспамьятства. Очнулся от начавшего бить не то от холода, не то от ужаса озноба. Передернул плечами.

Это действительно люди!? Очень, очень похожи. Светло-розовая, совсем как у землян, слегка заиндевевшая от мороза кожа. Голова. Две руки. Две ноги. Их тут десятки. Десятки замороженных, окаменевших тел, аккуратными рядами уходящих вдаль. На каждой полке по два тела бок о бок. Рука к руке. За их головами голые ступни следующих. За головами тех – следующие. За ними – следующие. И так ряд за рядом. Ряд за рядом. Ряд за рядом.

Две нижних правых полки свободны. У трупа в следующем ряду отрезаны обе ноги, а у лежащего рядом, у стены – левая рука по локоть и одна нога по колено. Отрезано профессионально, по суставам.

Перед глазами Романа всё плыло. Так вот чье мясо он готовит уже несколько месяцев кряду! Вот чье мясо так любят матороканцы и не отказывают себе в удовольствии полакомиться им гиоды! Животы туш (то, что он видит – телами назвать трудно. Это подготовленные для дальнейшей разделки туши), и их грудные клетки вспороты и выпотрошены. Туши явно опалены огнем, чтобы удалить все росшие на них волосы. Черепные коробки вскрыты. Мозг из них извлечен. Глаз нет. Одни пустые глазницы. Постой... глазниц не две, а четыре – две побольше и две, смещенные к бокам головы, поменьше. Да и нос какой то странный. И так у всех тел. На каждой руке и ноге по четыре пальца. Пальцы побольше и подлиннее, чем у человека и оканчиваются острыми коготками. Кто это? Роман облегченно вздыхает. Не люди. Это не люди! Какой тяжкий груз спадает с его плеч. Тем не менее ужас всё еще владеет им. Он, забыв и про тележку и про лежащий в ней нож разворачивается чтобы скрыться прочь, бежать из этого страшного места.

Перед ним стоит Ту-Гиддо. Тот, сразу оценив ситуацию, понимающе кивает.

– К-к-кто это? – слова с трудом вылетают из уст Романа.

– Что? – не понимает чудище.

До Романа доходит, что он говорит на русском, он повторяет на местном:

– Кто это?

– Это тцоп-виши.

– Тцоп-виши? Те самые? Вы... вы что, едите их?! – почти шепчет землянин.

– Да. Это считается лучшим мясом.

– Но... но... они же... люди.

– Не люди. Они тцоп-виши.

– Всё равно. Всё равно. Разумные существа.

Роману показалось, что Ту-Гиддо пожал плечами.

– Это пища матороканцев. Они когда-то захватили планету тцоп-вишей и пытались поработить их самих. Но они оказались не способными к производительному труду. Впадали в тоску и быстро умирали. Тогда Хозяева стали есть тцоп-вишей. Как это произошло, я не знаю, но стали их есть. Это факт.

– Но... они же... они же разумные... – повторял Роман в шоке.

– Они разумные не больше, чем моя поварешка, – покачал макушкой головы гиод, – Матороканцы разводили их на своей планете как скот. Как мы разводим кормовых червей, чьим мясом кормим весь корабль. Матороканцы пристрастились к этой пище даже своих господ, айоллов. Гиодов тоже. Правда не всех. Многие брезгуют. – Ту-Гиддо вздохнул и вновь покачал головой, – Но это всего лишь мясо. Всего лишь мясо. Такое же мясо как у наших кормовых

червей. Только вкуснее и не такое жилистое. К тому же их специально выращивают именно в качестве пищи.

Роман почувствовал, что сейчас его стошнит.

Землянин со временем свyksя с мыслью, что поедаемые хозяевами тцоп-виши действительно не люди, а животные, лишь отдаленно напоминающие их. Действительно – четырехглазое, четырехпалое существо вряд ли можно назвать человеком. Да и Ту-Гиддо уверяет, что их интеллектуальный уровень не дотягивает даже до уровня кормовых червей гиодов. Поэтому их и держат на корабле отдельно, отдельным, так сказать, стадом. Их даже не привлекают к каким то работам. Что им доверишь? Только на корм и годны. Человек, существо пластичное – ко всему привыкает. Привык и Роман. Правда лишний раз старался в морозилку за мясом сам не ходить.

Матороканцы затребовали нового блюда из мяса и Ту-Гиддо переадресовал эти требования своему талантливому рабу. Роман уже не раз ловил себя на мысли, что смотрит теперь на туши тцоп-твишей, как на туши обычных земных свиней. Жалко конечно скотинку, но это всего лишь животное. Такова его судьба. Его для этого и выращивали. Вот и тцоп-вишей где то сейчас выкармливают, ухаживают, убирают за ними. Когда придет пора – заколют (или как там их еще убивают), туши опалят, выпотрошат и на заморозку. А то, что похожи на человека, так это игра природы, не более.

Воспоминание о свиных тушах натолкнуло Романа на мысль запекать туши тцоп-вишей целиком в печах, нафаршировав предварительно пряными травами и плодами. Печи на корабельной кухне большие, рассчитанные на приготовление значительного количества порций разом и одна туша животного входила в нее как раз. Блюдо настолько понравилось матороканцем, что Ту-Гиддо, как старший повар, был милостиво приглашен присутствовать при трапезе. Это считалось наивысшей степенью почета для повара, да и оказывалась такая честь только поварам-гиодам. Похвалить раба никому бы не пришло в голову – не его это заслуга. Но так как Роман не относился к «природным» рабам, хозяева после небольшого совещания все же решили и ему оказать своеобразные почести, вызвав в зал где происходило пиршество. Правда Роману показалось, что вызвали его скорее из любопытства (что это за зверь такой новый), чем из желания высказать благодарность или восхищение его талантом. Тем не менее, Ту-Гиддо счастлив! Это, в конце концов, его заслуга и пойдет в плюс именно ему. Именно он дрессировал инопланетянина. Роман же молил лишь об одном – чтобы его не пригласили отведать приготовленного им блюда. Как бы то ни было, но съесть хоть кусочек мяса, с тех пор как он узнал, что оно из себя представляет, он не мог. Даже не смотря на то, что, в конце концов, это всего лишь мясо животного. Но его никто и не собирался угощать. Сидеть за одним столом могли только представители одной расы – расы матороканцев. Как исключение такой чести мог удостоиться гиод. И то не всякий. И то только в неформальной обстановке за небольшим дружеским столом. Но никак не раб.

Роман видел, как матороканцы, сидящие вокруг большущего стола, на котором водружено гигантское овальное блюдо с целиком запеченной тушей тцоп-виша, покрытой тонкой, коричневатой, хрустящей корочкой, смотрят на неё с вожделением в предвкушении незабываемой трапезы и нахваливают Ту-Гиддо. Над горячим блюдом поднимается лёгкое жаркое марево. Запах печеного мяса дразнит обоняние. Будит голодную фантазию. Наконец один из сотрапезников, очевидно самый старший, ухватившись тремя крепкими пальцами легко отрывает прямо от туши понравившийся ему большой кусок, с которого закапал жирный прозрачный сок, и тут же засунув его в рот, принялся громко смачно чавкать. По отвратительной лошадиной морде покатались липкие капельки жира. Фасеточные глазищи поблескивали

десятками угольков. Роман готов поклясться, что чудище поглядывает в его сторону. Землянину стало плохо. Кажется ему понятно теперь желание матороканцев посмотреть на него перед обедом. Он представил себя на этом блюде и задрожал. А ведь сожрали бы при случае. Как пить дать сожрали. И не побрезговали. Он для них такое же животное, как этот несчастный тцоп-вишь, пасшийся еще недавно где-то там, в неведомом загоне, на своем искусственном лугу и не помышлявший о предвидевшей его участи.

На его уход никто из пирующих не обратил ровно никакого внимания. И так рабу оказано слишком много чести.

Прошёл ровно год с тех пор, как Роман попал на корабль. Где они сейчас находятся? Кто его знает. О судьбе своих друзей с того памятного дня распределения он так ничего и не слышал, хотя пытался при каждом удобном случае расспрашивать о них всех знакомых рабов. Те лишь испуганно тарасились на него – говорить о чем-то ином, кроме их непосредственных обязанностей рабам строго настрого запрещено. Гиоды, те из них, с которым Роман оказался на более-менее дружеской ноге, как любимчик шефа, только качали головами. Либо они действительно ничего не знали, либо просто не хотели говорить. Да и не мудрено затеряться пленникам на этом огромном безбрежном корабле, на многочисленных палубах которого сосредоточены тысячи и тысячи существ самых разных рас.

Вскоре после прибытия Роман неожиданно столкнулся со своим приятелем по старой кухне – маа Кабо. Тот работал здесь же, среди obsługi кухни. Оказалось, что Ладдер, пытаясь отыграть у Ту-Гиддо способного раба, проиграл в результате и Кабо. Роману оставалось лишь тихо радоваться, что его друг последовал за ним и он не останется здесь в полном одиночестве. Кабо же расстроен не на шутку – у старого хозяина осталась вся его многочисленная семья (у маа практиковались групповые браки), другие соплеменники, налаженный образ жизни. А здесь кто он? Раб самого низшего уровня? Надо начинать всё с начала. В этом он винил больше Романа, нежели проигравшего его хозяина. Тот пытался утешать друга. Маа то успокаивался, то высказывал всё, что наболело на душе. Землянину грустно и горько от несправедливых упреков. А каково ему? У него-то вообще на корабле нет семьи. И нет даже надежды когда либо встретить её. Они с Кабо то горько плакались друг другу в жилетку, то целыми сменами вообще не разговаривали. Все это не способствовало улучшению и без того депрессивного состояния Романа. Это не ускользнуло от глаз хозяина. Тот сложил два и два и вскоре Кабо исчез. Роман поначалу даже позлорадствовал, но вскоре глубоко раскаялся в таких мыслях.

Если разобраться, то он действительно явился невольной причиной начавшихся злоключений маа. У того был по старому месту жительства какой никакой статус, а по вине Романа всё пошло прахом. И из-за кого!? Из-за какого-то безродного инопланетянина! У которого даже нет своей общины на корабле. Как бедному рабу не сердится на чужака? Зачем ему нужен такой друг?

Как землянин не пытался разузнать у хозяина судьбу Кабо, ничего не получалось. Тот лишь отмахивался всеми тремя щупальцами и заявлял, что не собирается с одним из своих рабов обсуждать судьбу другого своего раба. Этого еще не хватало!

С трудом, но Роман привыкал к этой жизни. Новыми друзьями, правда, так и не обзавелся. Отчасти из-за поселившегося в нем страха очередной потери. Отчасти из-за того, что другие рабы относились к нему с некоторой неприязнью, как к любимчику Хозяина и странному чужаку. Да и его внешность их откровенно отталкивала. Свободные гиоды, работавшие с ним бок о бок, видели в нем прежде всего раба. Были приятели, с которыми можно время от времени почесать языки. Гиоды, в общем-то, неплохие ребята.

Приближался какой-то большой праздник, называвшийся на корабле Днём Очередного Пробуждения Хозяев Вселенной. Что это такое, никто толком объяснить не мог. В этот день просыпаются Хозяева. Не гиоды или марокканцы, а настоящие Хозяева – таинственные айоллы. На вопрос: «а они что, спят всё остальное время?», старший повар отвечал: «они никогда не спят».

– Как же тогда они просыпаются? – недоумевал землянин.

– Потому что все остальное время они находятся в другом мире.

– В каком другом? Они что, не здесь живут? Прилетают?

– Они здесь живут. И не здесь. Они обитают сразу в двух мирах. И в этом, и в другом.

– Как это? – не понимал Роман, – В каком другом и как можно жить сразу в двух мирах?

И почему они, если не спят, просыпаются?

– Просыпаются, потому что во время пробуждения они находятся только в одном мире – в этом. Им нужно поддерживать силы. Питаться.

– Но как так можно?

– Отстань! Рабу не пристало быть таким любопытным! – не выдерживал Ту-Гиддо, ковыляя прочь на своих коротких ногах-щупальцах.

Другие вообще отказывались говорить об айоллах. Рабы, похоже, попросту сами ничего не знали, а гиоды откровенно боялись.

Когда до праздника Дня Пробуждения оставалось буквально десяток вахт, Ту-Гиддо подозвал Романа к себе и доверительно сообщил, что на складе почти не осталось мороженных тушь тцоп-вишей, а на праздник мяса нужно много. И они вдвоем отправятся в их загоны, чтобы отобрать подходящих, наиболее спелых, нагулявших жирок особей. Тех потом забьют, обработают и заморозят. Надо отобрать с полсотни животных. Понадобится много мяса.

– Нельзя, нельзя поручать отбор местным рабам-заготовителям, – ворчал Ту-Гиддо, – Они отберут одни кости. Это отребье ничего не понимает в заготовке мяса. Ты будешь помогать мне.

Глава 5. Тцоп-виши

С самого начала следующей вахты Роман вместе с Ту-Гиддо и несколькими рабами из obsługi отправился в сектор корабля, отгороженный от прочих помещений и предназначенный исключительно для содержания и разведения в нём тцоп-вишей. Это была свободная смена Романа, в которую он надеялся хоть немного отдохнуть и забыться. Да кого это интересовало? Несмотря на то, что землянин считался любимчиком старшего повара, его жизнь оставалась жизнью раба и никому особенно не было дела до его мнения и желаний. Его положение ничем не легче положения любого другого раба на корабле. Для хозяев он просто раб. Его же мнимая приближенность к гиодам стала вызывать со временем со стороны остальных рабов мягко сказать отчуждение – тихую ненависть. Фактически Роман лишен уважения и со стороны хозяев, и со стороны большинства рабов. Лишь с двумя-тремя собратьями по несчастью он мог позволить себе роскошь общения как с равными. Но это были жалкие, забитые, такие же отверженные существа, как и он сам.

Вот и сейчас – Ту-Гиддо, не обращая на своего помощника ровно никакого внимания, ловко ковылял на своих троих впереди всех. Два раба дабла-дредноида, несмотря на то, что считались самой низшей категорией рабов, демонстративно держатся на несколько шагов позади землянина, высоко держа маленькие головки с лягушачьими глазками и отвратительными присосками на мордах, семена непропорционально короткой высокому росту парой ножек с большими ступнями. Две руки безвольно болтаются, почти касаясь пальцами земли. Впрочем, Роман уже свыкся со своим особым статусом изгоя и старался не давать воли чувству тоски. Три маа грациозно шествовали последними.

Они находились в той части корабля, в которой Роману до сих пор бывать не приходилось. Его удивило, что на таком огромном корабле не было никаких лифтов или самодвижущихся лестниц или лент-транспортёров. Во всяком случае, ему пока не встречалось ни одного такого устройства. Все передвигались исключительно за счет своих нижних конечностей: двух, трех, четырех – у кого сколько имелось, а грузы перевозились на разного размера трехколесных тележках.

Наконец группа оказалась у небольшого, неброского среди прочих, плотно закрытого люка. Рядом с ним маялась без дела пара стражников гиодов со знакомыми уже Роману раздвоенными на концах палками-дубинками. Землянину показалось, что прикрепленный к его груди диск неприятно завибрировал. Он настолько свыкся с этим контролирующим устройством, что совершенно не обращал на него внимания. Точно такие имелись на телах всех без исключения рабов. Гиоды перебросились парой свистящих фраз на незнакомом языке и раздали сопровождавшим их маа нечто похожее на маленькие толстенькие мягкие ошейники. У маа, у самого основания их длинных стройных шей, с обеих сторон по три небольших дыхательных щели. Они смешно трепетали, когда маа вдыхали и ошейники пришлось как раз над этими ноздрями, перекрывая их. Один из маа, надевая ошейник, пояснил землянину, что это устройство делает воздух в помещении тцоп-вишей безопасным для них, так как в нем содержится слишком много кислорода, вредного для маа в таких количествах. Когда Роман забеспокоился о себе, тот же маа, усмехаясь, пояснил, что газовая смесь за дверью может причинить вред только существам его расы. Всем прочим она безопасна.

Во время их разговора люк с неприятным скрипом медленно раскрылся. За ним темный, пахнувший сыростью низкий коридор-труба, о потолок которого высокие дабл-дредноиды чиркали головами, жмурясь и втягивая два больших лягушачьих глаза на макушках. Воздух затхлый. Люк позади с тем же скрежещущим звуком захлопнулся. Тускло вспыхнули редкие круглые фонарики. Один из охранников сопровождал их. Вскоре коридор закончился точно таким же люком, открывавшимся только с этой стороны.

Ту-Гиддо, Роман, оба дабл-дредноида и тройка маа гуськом проникли сквозь дверной проем и люк поспешно захлопнулся за ними. Охранник остался с другой стороны. Они в небольшой кубической комнатке. Повар подошел к двери с противоположной стороны и осторожно пихнул от себя.

В приоткрытую щель хлынул поток яркого света и, вопреки опасениям Романа, потянуло давно забытой свежестью. Землянину показалось, что он ощущает лесные запахи. Он с наслаждением вдохнул полной грудью. Как хорошо! Так пахнет после теплого летнего дождика. Даже голова закружилась. Маа брезгливо косились на его счастливую морду, поправляя руками спасительные ошейники.

Гиоду воздух тоже неприятен. «Ну и вонь, ну и вонь» – бормочет он. Лица даблов бесстрастны.

По глазам ударил ослепительный свет – землянин уже давно привык к полумраку, царящему в помещениях корабля и обычный дневной свет вызвал на мгновение боль. По мере привыкания Роман стал различать то, что находится перед ним.

Ему показалось, что каким-то чудесным образом они оказались на большом зеленом земном лугу. Влево и вправо уходят поросшие сочной травой поля, упирающиеся в рощицы невысоких деревьев. Присмотревшись, землянин понял, что и трава и деревья не похожи на земные. Трава с более широкими и мягкими стеблями, а листья на деревьях длинные, узкие, выющиеся темно-зелеными кудряшками, с небольшими кисточками на концах. Что-то в этой траве и в этих деревьях казалось странным. Нет, не то что они инопланетные. Это само собой разумеется. Что-то другое... Пригляделся повнимательнее. И только тут дошло – и вся трава, и все деревья совершенно одинаковы. Всё ровно и безлико, как под копирку. Будто взяли по одному кустику травы и по одному дереву и клонировали их в сотнях и тысячах экземпляров. Может так оно и было?

Откуда исходит свет – непонятно, но свет точь-в-точь свет земного полдня. Роман дышит полной грудью и не может надышаться. Ему плевать на гримасы спутников. Пахнет луговыми травами. В который раз с наслаждением оглядывается по сторонам. Постой. Что это? Только теперь он различает на расстоянии не более трехсот метров слева и справа от себя, за деревьями, едва-едва проступающие полупрозрачные, небесного цвета с легким зеркальным отливом стены. Поднимаясь, те переходят на высоте полутора сотен метров в закругляющийся аркой потолок. Но легкий голубоватый цвет стен и потолка создают полную иллюзию далекого неба.

Позади группы – крутой склон холма, уходящего своей верхушкой прямо в «небо». У его подножия обычный маленький домик, вросший дальней своей стеной прямо в склон. Из единственной двери домика они только что вышли.

Стены огромной полутрубой тянутся вдаль на сотни метров, может даже несколько километров, где оканчиваются крутым склоном такого же холма. Разглядеть тот склон отсюда невозможно, слишком далеко. Роман ловил себя на мысли, что если не вглядываться в потолок и стены, они сразу исчезают, перестают ощущаться. Полная иллюзия огромного безбрежного неба и далекого горизонта.

– Ну что? – услышал он насмешливый голос хозяина. Только тут Роман сообразил, что стоит, задрав в восхищении голову, – Не ожидал такого загона?

– Ну и мерзость, – вместо него ответил один из дабл-дредноидов, – Дикость. Вонь. Сплошная дикость и вонь. Сколько пустого места! Никакой цивилизации. Разве это деревья? Дикость. Пусто. – Второй в ответ угрюмо хохотнул.

Старший повар зыркнул на них и те испуганно вжали глаза в маленькие черепа.

Вдаль уходит неширокая дорожка, мощенная желтоватым кирпичом. Обыкновенный земной шершавый кирпич! Разве что размером чуть больше. Пошли прямо по ней. Роман вскоре заметил, что луг слева и справа словно нарезан еле заметными тропками-межами

на равные прямоугольники и понял, что это не дикое поле, а поле со специально высаженной культурной растительностью. Нагнувшись и отведя в сторону стебельки одного из кустиков, обнаружил у основания оранжевые клубеньки, которые он не раз уже встречал на кухне.

– Это основной корм тцоп-вишей, – пояснил, не оборачиваясь гиод. Он одним глазом с любопытством наблюдал за реакциями раба, – Они только им и питаются. Ну и для нас выращивают. Многим рабам нравится вкус этого овоща.

Почти сразу за этими словами Роман увидел группку существ. Их около полутора десятков. Он их не сразу и приметил, потому что те стояли на коленках, пригнувшись телами к самой траве. На миг показалось даже, что это отара барашек, щиплющих травку. А как еще должны питаться животные? Да еще и обросшие густой курчавой шерстью. Но завидев гостей, тцоп-виши повскакивали на две ноги и замахали руками. Роман подумал, что те испугались, но нет – махали увлеченно, приветственно. Явно рады встрече. Существа очень напоминали издали людей. Походили на людей даже больше, чем скwirги, несмотря на то, что также покрыты мехом. Но мех более грубый и густой, и не зеленоватый, а буро-сероватый. На голове он длиннее, менее вьющийся и с более темным отливом – почти как у человека с густой курчавой шевелюрой. Лица чистые, без растительности. Если бы не четыре глаза, два побольше, почти круглые, спереди, как и у землян. И по одному, поменьше, на висках. На вздетых в приветственных жестах руках по четыре длинных тонких пальца с тонкими ногтями-коготками. На тушах кисти рук они всегда обрублены. Они слишком костистые. Есть там нечего.

Особенно Романа поразило, что вокруг бедер всех существ обмотаны тряпки, а на плечи наброшены покрывала – явно одежда. Одной рукой все держали плетеные из ветвей корзинки, похожие на обычные земные лукошки. Корзинки полны теми самыми оранжевыми клубеньками. У некоторых в корзинках сверху лежат пучки ботвы. Всё это как то не вязалось со сложившимся у землянина мнением о тцоп-вишах, как о домашних животных. Он даже попытался заговорить со старшим поваром, но тот отмахнулся от него.

Толпа лохматых существ подошла без малейших признаков страха и все разом заговорили на непонятном певучем языке, переходящем часто в ультразвук. Повар нетерпеливо поднял щупальце вверх. Все замолчали. Тогда он ткнул кончиком щупальца в одного из встречающих и тот радостно затараторил, сглатывая слова. Остальные довольно кивали головами. Роман стоял совершенно обескураженный.

– Они давно ждут нас, – перевел Ту-Гиддо, – Считают, что время Праздника Выбора давно прошло, а нас всё нет.

– Время Праздника Выбора? – переспросил Роман, бывший все еще в прострации от увиденного, – Какого выбора?

– Это волосатое отребье считает, что мы приходим к ним для того, чтобы выбрать самых достойных и умелых и забрать к себе туда, за небо, – Ту-Гиддо тычет вверх тремя пальцами. Толпа встречающих при этом радостно взывает. – Забрать их в наш счастливый мир для долгой безмятежной жизни, где нет никакой работы, нет никаких проблем. Нет никаких обязательств друг перед другом. Только игры и развлечения.

– Почему они так считают?

– Потому что им так сказали. – безразлично отвечает Ту-Гиддо.

– Кто сказал?

– Мы сказали. – повар удивлен тупостью раба.

– А мы... мы их забираем... чтобы съесть! Ведь это именно их мы и едим? – уточнил Роман, надеясь, что старший повар опровергнет его ошибку. Но тот лишь заклокотал, смеясь:

– Да. Это именно они, тцоп-виши. Скотина матороканцев. А скотина, она и есть скотина. Живут как дикие животные, кормятся на полях. Жрут всякую свежую зелень. Ткань для одежды выделяют из коры деревьев. Дома строят из древесины. Зато и мясо прекрас-

ное нагуливают. Чистое, ароматное, вкусное. Без всякой химической гадости. На что они еще годны?

Роман не в силах больше вымолвить ни слова. Он почти убедил себя, что тцоп-виши, это действительно животные. А теперь... Какие же это животные?! Вскоре, миновав по желтой кирпичной дорожке две-три небольших живописных рощицы из совершенно одинаковых невысоких деревьев, они оказались у околицы самой что ни на есть настоящей деревушки. Та состоит из трёх десятков одинаковых квадратных белёных домиков без окон, с плоскими крышами и закрывающимися лишь на ночь дверьми-занавесками, беспорядочно раскиданных вокруг центральной, утопанной множеством ног земляной площадки. Перед каждым домиком вкопаны аккуратненькие лавочки, заботливо разбиты клумбы со всё теми же зелеными травянистыми кустиками. Вон что-то похожее на качели. А это явно детская песочница.

Желтая кирпичная дорога заканчивается у первой хижины. Из домиков высыпало не меньше сотни тцоп-вишей и замахало поднятыми руками. Они радостно галдели, пока один из пришедших с гостями не закричал, перекрыв общий гвалт. Все замолчали. Кричавший стал что-то говорить, показывая время от времени обеими руками то на пришедших, то вверх. Морды тцоп-вишей, похожие на комичные земные четырехглазые маски с пятчками вместо носа, довольно растягивались в улыбках. Два передних глаза прикованы к оратору, два боковых беспрестанно зыркают по сторонам, ни на секунду не останавливаясь на одном месте. Наконец гостей проводили в один из домиков, состоявших из единственной комнаты. Дощатый струганный пол, такой же потолок, сквозь узкие щели которого просвечивает «небо». И широкие низкие лавки вдоль трех стен. Ни печей, ни столов, ни шкафов. Всё имущество хранится в сундуках под откидывающимися вверх крышками-лежанками лавок. Очевидно здесь только спят, а вся общественная и семейная жизнь протекает на улице.

Гости расселись и тотчас перед каждым из них появилось по маленькому столику, вровень с поверхностью лавок, больше похожих на табуретки с разложенными прямо на нём печёными плодами и стаканами с розоватым соком и толстым слоем мякоти у дна. Роман с удовольствием приступил к трапезе – он даже не заметил, что успел изрядно проголодаться. Несмотря на проявленную брезгливость все гости поедали угощение с удовольствием. Какое-то время еда отвлекала от ужасных мыслей. Тем временем пять вошедшие в хижину тцоп-вишей встали шеренгой напротив Ту-Гиддо, поняв по обмотанному вокруг его тела алому поясу-шарфу, что именно он главный в группе пришедших, и начали переговоры. Тот степенно отвечал. Наконец пятеро, низко присев по очереди перед гостем, вышли и громко сообщили ожидавшим соплеменникам результаты переговоров. По окрестностям прокатился оглушительный радостный вой.

– Я им сказал, что сегодня, раз мы опоздали, а они нас ждали, мы заберем с собой туда, – повар указал кончиком щупальца в потолок, – пятьдесят туш. То есть особей. – поправился он.

– Но как?! – вырвалось долго сдерживаемое возмущение у Романа, – Как?! Я думал это действительно животные! А это разумные существа! Как можно есть разумных существ?

– Не ори. Некоторые из них немного понимают на хэге. Выучили с десятков слов. Они дикари. Запомни. Ди-ка-ри. Дикие, вонючие дикари. Они выращиваются нашими хозяевами матороканцами специально для еды. Их вид хозяева вывели специально как кормовой. Как наши предки вывели кормовых червей. Иначе их бы здесь вообще не было. Неужели у вас на планете вы не выращиваете и не едите животных?

– Выращиваем. Едим. Но животных!!! Они не разговаривают с нами!

– Да. Животных. Для матороканцев, они животные.

– А для нас? Для Вас? – поправился землянин, – Для гиодов?

– Мы слуги матороканцев. Мы исполняем их поручения. – в голосе гиода Роману кажется некоторое смущение. Может только кажется? – Так всегда было. Так заведено не нами. Тцоп-виши должны сказать хозяевам спасибо за то, что смогли вырасти в таких великолепных усло-

виях. Великолепных для них. У себя на планете такого счастья они никогда бы не имели. Там они живут в грязи и нищете. В бесплодных лесах. Полуголодные. Много опасностей. Много хищников. Мрут тысячами от болезней. Редко кто доживает до среднего возраста. Не лучше диких животных. Должны быть счастливы! Здесь они проживут много дольше, чем прожили бы там, у себя.

– Счастливы?! Здесь нет хищников?! Да их съедят скоро!!! Матороканцы их хищники! Какое в этом счастье?

– Замолчи! Незачем так орать. Они никогда не узнают об этом. Они сейчас счастливы! Они так и умрут счастливыми. Смерть их будет легкой и незаметной для них. Зайдут в специальную камеру и просто заснут. Без страха, без волнений. Даже не успеют испугаться.

– Ну да. Чтобы мясо вкус не потеряло. – ядовито вставил землянин.

– Да. Это важно. И своей смертью доставят удовольствие высшим существам. Всё! – махнул повар щупальцем, – Всё! Разговор окончен. Не нами так заведено и не нам рассуждать и осуждать.

На улице уже ждала толпа местных жителей, часть из которых выделялась новыми набедренными повязками, накинутыми на плечи цветастыми покрывалами и неким подобием таких же цветастых тюрбанов. Именно они и будут добиваться права отправиться вместе с пришельцами в их счастливый мир за твердым небом, принеся тем славу и почет остающимся семьям, родной деревне.

Всё то время, что проходили соревнования – бег, метание круглых булыжников на дальность, а затем их же на меткость в поставленное вдали лукошко, приседания на скорость и поднятие за один из концов больших бревен на количество раз, а затем устные экзамены, Роман угрюмо сидел в сторонке. Состязания сопровождались взрывами счастливого смеха и благодарственными песнями. Не в силах больше смотреть на всеобщее веселье он ушел из деревеньки и долго бродил по полям и ближайшим рошицам. Он убедился, что все деревья действительно одной и той же породы и похожи друг на друга как близнецы. Наверное клонированы с одного образца. Среди густой ухоженной травы Роман все же смог выделить три её разновидности, несколько различающихся между собой, для каждой из которых отведено отдельное поле. Ни на деревьях, ни среди трав ни единого цветочка. Так же он не смог обнаружить ни единого следа животных или птиц. Да и насекомых, похоже, не было. Хозяева тцоп-вишей специально отобрали только тот корм, который наилучшим образом влияет на вкус выращенного на нём «скота».

Изумрудные пасторальные поля тянутся в неведомую даль. Зеркально-стеклянные стены создают впечатление невероятно далекого горизонта, многократно визуальное увеличивая заключенное в огромной трубе пространство. Наваждение рассеивалось, стоило тряхнуть головой и внимательно присмотреться. Вот они, стены. Не так уж и далеко. Но вскоре иллюзия опять брала верх над реальностью. Раскиданные там и сям рошицы умиляют своим свежим видом. Голубизна далекого-далекого неба успокаивает. В отличие от земного на нём ни одного облачка. Может на родной планете тцоп-вишей их нет? А может хозяева просто не посчитали нужным создавать их видимость. Сердце Романа взволнованно билось. После стольких месяцев, проведенных вдали от Земли... Земной, совершенно земной вид. Невозможно поверить, что это всего лишь откормочная ферма матороканцев. Ферма, на которой одни разумные существа откармливают других, чтобы затем их банально съесть. И всё это в невероятно циничной форме. Эти несчастные еще и счастливы, когда их уводят на мясокомбинат для забоя!

Возможно они и дикари. Возможно. Но не настолько же, чтобы их есть!

Всё, что увидел сегодня Роман, никак не вязалось со сложившейся ранее в его голове картинкой образа жизни тцоп-вишей – ни загонов, ни кормушек, ни пастухов. Ни мычания голодных стад. Обычная деревенька с обычной сельской жизнью, какую пожалуй можно встретить в любом уголке Земли. И они общаются между собой! У них есть язык. Они любят детей, родителей, братьев, сестер. Чего-то ждут от жизни. Строят планы на будущее. Вон как искренне обрадовались гостям. Упрашивают взять их с собой.

Да что же за монстры такие, эти матороканцы? Нет, землян они, конечно, не едят. И других инопланетян не едят. Только тцоп-вишей. Но они едят разумных существ. Тцоп-виши разумны. Уж в этом сомневаться не приходится. А кого они захотят съесть завтра? Роман вспоминает своих друзей. Надо что-то предпринимать! Что? Бежать? Куда? Одному?

Устроить восстание? Устроить восстание! Восстание кого? Рабов? Рабов на корабле гораздо больше, чем хозяев. И не может быть, что все они довольны своим положением. Но рабы разобщены. Маа не любят дабл-дредноидов. И те и другие презирают тцоп-вишей. Гиоды, наверное, вполне довольны своим положением слуг. Зачем им протестовать? Они не рабы. Им живется неплохо. Их вполне устраивает занимаемое ими место. Да и сами матороканцы, в конце концов, лишь слуги таинственных айоллов. Землян и сквиргов на корабле пересчитать по пальцам одной руки. Роман в который раз глубоко вздыхает. Кругом одна безысходность и тоска. Безысходность и тоска. Безысходность... Никакой надежды. Никакой. Ему ли менять здесь что то?

Со стороны деревеньки несутся веселые песни – там чествуют победителей. Вдруг небо стало медленно меркнуть. Что такое? Роман, задирая голову вверх, поспешил к деревне. Небо тускнеет. К моменту его возвращения наступила настоящая ночь. Мрак слегка смягчился белесым, чуть светящимся облачком в вышине – очевидно заменяющим здесь звёзды и Луну. На всё накинута спокойный серебристый покров. Счастливые победители и их родственники еще расходились спать по своим хижинам. Некоторые отправились в две другие близлежащие деревушки.

Ту-Гиддо мрачно взглянул на вошедшего раба, буркнув:

– Ложись спать. Завтра рано вставать. Работы предстоит много. – Роману вдруг показалось, что и самому гиоду всё это не очень то и нравится.

Ранним утром, едва-едва небо стало светло-голубым, победители, обряженные за счет своих деревень в самые яркие, самые дорогие одежды, с изумрудного цвета венками на головах, собрались в многолюдную колонну и торжественно двинулись, распевая Гимн Счастья, в сторону противоположную той, откуда накануне появились их гости. Вскоре Роман, шедший позади приплясывающей от восторга колонны, среди сопровождавшей её многочисленной толпы родственников и соседей, различил прямо в склоне холма ворота.

Вот они сами собой распахнулись. Окружающие взвыли от восторга. Кто-то дружески хлопал землянина по плечу, кто-то что-то кричал ему прямо в ухо. Кто-то широко улыбался, обернув к нему своё гротескное четырехглазое лицо со свиным пяточком.

По мере приближения ворота росли в размерах и вскоре стали похожи на огромный, распахнутый в жадном предвкушении голодный рот.

Глава 6. Праздник Пробуждения

Зэнь-Ди стыдно, но она рада тому, что никто из новых хозяев не знает о её зартенаррском происхождении. Для них она, в своем земном теле, непонятное существо с неизвестной им планеты. Сразу после Собрания Братства, на котором решилась судьба пленников, Зэнь-Ди отправили в сектор, в котором обитают матороканцы. Она должна прислуживать хозяевам в их внутренних покоях. С того самого злосчастного дня ни Шуке, ни Романа она не встречала. Где они теперь? Особенно её беспокоила судьба Шуке. Поторопился он со своим зартенаррским телом. Она довольно быстро выучила язык общения разношерстного населения корабля и от других рабынь узнала причину ненависти матороканцев к ее соплеменникам. Оказывается, неожиданное появление на корабле сквирга всколыхнуло всю местную общественность и явилось предметом общих пересудов: от самих хозяев до последнего раба. Матороканцы во всех своих бедах, и похоже не беспричинно, обвиняли именно сквиргов. Те, некогда захватив планету трехногих, сразу за тем решили по своему ужасному обычаю зачистить приятную во всех прочих отношениях планету от засоряющей её «полуразумной» жизни. Лишь считанным сотням матороканцев удалось бежать на одном из уцелевших кораблей. С тех самых пор они жаждут мести. Как хорошо, что они не знают, кто на самом деле Зэнь-Ди! И как плохо, что они знают – откуда Шуке!

Жив ли он еще? Жив ли Роман? Профессор? Она не выполнила единственного порученного ей задания – найти и доставить на Зар-Тенарр Наследника. Зачем теперь ей жить? Какой смысл в её дальнейшем существовании?

Зэнь-Ди обязана заниматься уборкой спальных помещений. Матороканцы живут в больших общих спальнях, весь пол которых равномерно покрыт совершенно одинаковыми квадратными ваннами-бассейнами со стороной около двух с половиной метров и глубиной метра в полтора. Между ваннами небольшое расстояние, лишь бы матороканец смог пройти по узкой полоске пола. В каждую из таких ванн опускался один из матороканцев и, погрузившись с головой на самое дно, входил в некий транс, в котором мог пребывать часами. Ванна наполнена солоноватой прохладной водой. Девушка должна была следить по специальным часам, когда у обитателя одной из ванн на её участке приближается время его рабочей вахты и будить его, нажимая большую кнопку у самой воды. Кнопка включала подогрев воды, будившей спящее чудище.

Вообще температура воды имела для матороканцев большое значение и в разных бассейнах, предназначенных для разных форм времяпрепровождения, температура заметно различалась – от совершенно студеной до почти горячей. В горячих ваннах, как заметила вскоре Зэнь-Ди, чудища занимались любовью. Во всяком случае, именно так она расценила то, что происходило в ваннах с горячей бурлящей водой, в которые сразу залезало по две, а то и три особи. После длившихся часами игр, с переплетением тел, пусканием пузырей и еще бог знает с чем, разомлевшие чудища расплзались по своим индивидуальным холодным ваннам и лежали там на дне совершенно обессиленные и разомлевшие. Зое довольно быстро надоело наблюдать за этими сценами (тем более хозяева абсолютно не обращали внимания на ставших свидетелями их эротических игр рабов) и она, спокойно сидя в сторонке, дожидалась, когда освободится очередная ванна.

После того, как закрепленная за ней ванна освобождалась, Зэнь-Ди должна слить воду, протереть начисто стенки и дно и наполнить ее новой профильтрованной водой необходимой температуры. Поначалу пленница считала, что матороканцы занимают первую попавшуюся свободную ванну, но по мере того, как она научилась отличать одно чудище от другого, поняла, что у каждого из них имеется именно его водоем и они никогда не залезут в чужой. Неожиданно существа оказались весьма брезгливы.

Кроме того матороканцы никогда не ели в своих ваннах, считая это верхом невежества и варварства. Почему то они считали, что так могут поступать только рабы, хотя ни одному из рабов на корабле не пришлось бы в голову залезть в воду, чтобы там предаться чревоугодию.

Вскоре Зэнь-Ди доверили натирать специальными маслами панцири матороканцев. Обычно это было непосредственно перед занятием любовными утехами, либо после пробуждения, перед отправкой на рабочую вахту. В первом случае масла применялись более жирные и пахучие, во втором – спокойные, призванные освежить внешний вид хозяина. Хозяйева очень ценили её мягкие, ловкие земные ладошки.

Высшей степенью, которой мог достичь раб, прислуживавший в спальнях, была должность своеобразного массажиста, когда раб (как правило маа) с помощью специальных густых кремов умащал и массировал мягкие части тела матороканца. Вскоре Зэнь-Ди, не раз наблюдавшая за подобными сценами, заметила, что матороканцам весьма нравится этот процесс. Более того, они испытывали от этого наслаждение. Похоже, что некоторым из них подобный массаж, выполняемый ловкими руками маа, с успехом заменял вышеописанные любовные игры. Многие из матороканцев имели постоянных «массажистов», выделяя их из прочей массы рабов. Их связывала с этими маа своеобразное чувство партнерства. Они одаривали своих любимцев всякими мелочами – чаще лакомством. Конечно вряд ли это любовь в ее земном понимании. Даже в матороканском. Скорее – разновидность удовлетворения похоти. Подобные мезальянсы среди матороканцев вслух дежурно осуждались, но в связи с широкой пространственностью не запрещались и практиковались вполне открыто. Скорее на них смотрели сквозь пальцы. Иметь такого любовника маа даже считалось престижным, особенно для занимающих высокие должности. Старшие офицеры (и это не по слухам, Зоя сама видела) содержали по два-три таких маа-партнера.

Но Зэнь-Ди к счастью (как она сама считала) этого пока не доверяли. Одно дело смазать маслом твердый кожистый панцирь и другое – касаться мягкого бесформенно-гадкого тела трёхногого. Бр-р-р. Девушку передергивало каждый раз, как она представляла это себе.

В примыкающем к общей спальне соседнем помещении почти весь пол занимает одна огромная ванна-бассейн, в котором матороканцы не спали, а проводили общий досуг: общались, беседовали, резвились, играли во что-то спортивное. Вода, наполняющая этот бассейн заметно теплее той, что в спальнях, горячее даже чем в «любовных» ваннах. Поэтому в этом помещении всегда стоит невыносимая жара и влажность. Работа здесь выматывала больше всего. В отличие от спальных ванн воду в большом бассейне не сливали, а постоянно пропускали через какие то фильтры. Уборкой рабы занимались в краткие периоды отсутствия в бассейне матороканцев, ныряя на дно с приспособлением, напоминающем пылесос. Все время, свободное от рабочих вахт и общих трапез, матороканцы проводили в воде. На корабле кроме этих двух помещений с ваннами было еще несколько таких же. Вскоре Зэнь-Ди узнала, что обитатели каждой такой общей спальни, с примыкающими к ней бассейном и столовой, объединены в нечто вроде семьи и считаются родственниками. Зэнь-Ди, как и прочие рабы спальни, являлась общим имуществом семьи и никто из других семей не имел права командовать ею. Впрочем девушка не часто выходила из помещений «своей» семьи и редко сталкивалась с матороканцами других семей. Когда же случалось бывать в общих коридорах или с одним из своих хозяев в помещении другой семьи, те попросту игнорировали чужую рабыню.

Оказалось, что поголовно все матороканцы, которых она встречала до сих пор – самки. Зэнь-Ди это поначалу удивляло. Не может быть, чтобы самцов не было совсем. Наверное они проживают отдельно? Но нет. Ни разу ей не доводилось ни видеть самцов, ни слышать о них. Даже в любовных играх матороканцев участие принимали исключительно самки. Как же они умудряются размножаться? Правда и детенышей матороканцев девушка ни разу не встречала. Это обстоятельство так и осталось для неё загадкой.

Матороканцы обожали мясо, поглощая его в невероятных количествах в самых разных видах. Говорят, что у них на корабле даже есть специальные фермы, на которых выращивается мясной скот. Рабам его не предлагали и Зэнь-Ди, как чистокровный сквирг, хоть и в обличье землянки, вполне довольствовалась этим обстоятельством. Она не любила мяса. Так уж её воспитали. Каждый раз, когда на Земле ей приходилось его есть, она внутренне страдала, понимая, что поедает труп живого существа. Прислугу матороканцы кормили разными растениями. Честно говоря – это даже вкусно. Уж что-что, а готовить повара хозяев умели. Тем более что прислуге в спальне доставалась не пища, предназначенная рабам, а то, что оставалось от приготовленного для хозяев. Кроме мяса, разумеется. Его-то никогда не оставалось. Хозяева (или, вернее, Хозяйки) съедали всё подчистую.

Зэнь-Ди часто вспоминает Романа. Особенно такие думы одолевают, когда она сидит и ждёт у ванны, с занимающимися там любовными утехами хозяйками, очереди почистить это брачное ложе. Как несправедлива она была к нему! Как, наверное, он страдал от её обидных слов. Если бы повернуть время вспять... Зоя явственно в такие моменты ощущала тепло рук землянина на своем теле. Он её искренне любил, а она... строила из себя этакую зартенаррскую принцессу. Самой противно. Противно и жалко. Жалко и горько. Жалко себя. Жалко Романа. И Шуке жалко.

А вот Профессор, оказывается, тоже здесь, в жилом секторе матороканцев. Правда не в той же семье, что Зоя. Да и не в жилых помещениях вообще. Она столкнулась с ним буквально через несколько дежурных вахт, на пути в столовую, где рабы посменно обедали. В первый раз им не удалось переговорить. Савелий Михайлович не меньше обрадовался Зое, но его вел за собой невысокий матороканец. Едва Профессор притормозил, увидев девушку, его почти опрокинул наземь диск на груди. Он, поморщившись, поторопился за своим хозяином, успев напоследок махнуть девушке рукой.

Они еще несколько раз виделись мельком. Переговорить друг с другом удалось лишь через несколько месяцев – когда оба оказались вместе со своими хозяевами на очередном празднестве, на которое собиралось сразу несколько семей, и смогли спокойно пообщаться в сторонке. Оказалось Профессор, как особь со сравнительно высоким для раба показателем интеллектуального развития, был отправлен прислуживать в Библиотеку Старинных Манускриптов. К нему относились снисходительно и он был почти счастлив, если бы не разлука с друзьями, родной планетой и явно осознаваемым им положением раба. Несмотря на доброжелательное обхождение, хозяева никогда не упускали случая напомнить, кем является этот инопланетянин. Их обоих – Зою и Профессора (так же как и Романа) несколько спасал от более сурового обращения их неопределенный статус землян. Матороканцы еще не решили, как следует относиться к этим существам и на всякий случай вреда особого не причиняли. Может в ближайшем будущем кораблю придется столкнуться с цивилизацией загадочных «землян» и неизвестно насколько она могущественна. Возможно этих рабов придется еще использовать в качестве парламентёров для предъявления своих требований.

Впрочем, встречи Зои и Профессора очень редки и ей чаще приходилось жить в окружении инопланетян одной. Если говорить до конца честно, то и Профессор был для нее таким же инопланетянином, как и прочее населения пиратского корабля. За исключением Шуке. Где он? Как хорошо, что матороканцы не знают, что и она с Зар-Тенарра!

Всё настойчивее и настойчивее среди рабов циркулируют слухи о предстоящем Празднике Пробуждения. И что праздник этот – чуть ли не самое значительное событие в жизни корабля за долгое-долгое время. В чем конкретно он заключается, никто из рабов семьи не знал, ибо никто из них не застал предыдущего. Последних таких рабов семьи давно распродали. Кому? Этого тоже никто не знает. За время жизни Зэнь-Ди на корабле она присутствовала на нескольких праздниках, но то были вечеринки «хозяев» этой семьи или приятельские встречи нескольких семей. Праздник Пробуждения – торжество всего корабля. Праздников такого масштаба на памяти девушки еще не было.

Вскоре и матороканцы семьи стали открыто говорить меж собой о предстоящем празднике. Из их слов Зэнь-Ди наконец стало понятно, почему он называется именно Праздником Пробуждения. Вместе с тем ей стала и более понятна иерархическая структура местного общества. Оказалось, что не раса матороканцев является подлинной хозяйкой корабля. Он принадлежит неким айоллам, таинственным и невиданным ей ранее существам. Матороканцы зовут их Повелителями и стараются избегать обсуждать их между собой. Вроде как они есть, но их нет. Будто бы эти айоллы погружены в сон, но при этом не спят. И даже во сне контролируют все, что происходит на их корабле. Но, тем не менее, они в настоящее время спят. От этого голова шла кругом. Как это может быть, что они и спят и, одновременно, не спят, девушка не могла взять в толк.

Главное – время от времени айоллы пробуждались и представляли пред населением корабля в своем истинном облике. В этот период они требуют от своих слуг – матороканцев, отчета обо всех их действиях. Все прочие обитатели корабля их не интересуют. Рабы и слуги матороканцев абсолютно безразличны айоллам.

Чем ближе Праздник Пробуждения, тем взволнованнее и беспокойнее становились матороканцы. Они гоняли и наказывали рабов по малейшему поводу. Вокруг всё блестело. Доставалось даже гиодам, бывшими не рабами, а свободными, вольнонаемными слугами. Они походили на матороканцев, но значительно ниже их ростом и имеют заметно иное строение тел, а так же носят, в отличие от своих работодателей, одежду (во всяком случае они именно так называли те разноцветные тряпки, в которые постоянно кутались). Нередко можно было встретить картину, когда матороканец отчитывает стоящего на вытяжку перед ним гиода. Захлебывающиеся курлыканыя чудища переходили в ультразвук, средний глаз вылезал из орбиты, бешено тарашась на провинившегося. Еще немного и разъяренный хозяин, казалось, ударит слугу, но матороканцы никогда не опускались до рукоприкладства в отношении свободных гиодов. Рабы, это другое дело. Тем нередко доставалось тумакон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.